

Памяти Лены

Вначале было Слово. В данном случае имя собственное: Гуревич. Это имя не относилось к живому человеку, хотя у меня в то время было даже несколько знакомых Гуревичей. Этот «гуревич» был книгой. Категориями средневековой культуры. Я училась на первом курсе филфака, и помнится, совет исходил от Андрея Зорина, провожавшего меня на поезд из Переделкина в Москву: почитай, мол, это прекрасно. Выросши в семье технической интеллигенции и окончив 2-ю физико-математическую школу, я не имела приятелей, способных что-либо советовать по гуманитарной части, поэтому послушно пошла в университетскую библиотеку и взяла Гуревича. Зорин оказался прав: это было прекрасно. Я стала читать подряд всех «гуревичей», какие были. Так началось мое гуманитарное образование, параллельное тому, что нам давали в университете.

Когда год спустя я на ходу выпрыгнула в уже набравший скорость вагон шведской группы, моей однокурсницей оказалась некая Лена Гуревич. Ну мало ли на свете гуревичей... Мысль о том, что может существовать какая-то связь между этой студенткой и «моим» гуревичем, мне в голову не приходила. Он был понятием, символом (тогда я была бы не в состоянии точно сформулировать, чего именно), книгой в обложке цвета слоновой кости – какие уж тут родственники... Лена Гуревич заинтересовала меня сама по себе. Что-то в этой черноокой красавице с печальным лицом и нежным, всегда очень тихим голосом, было инопланетное. Все вокруг бежали, суетились, увлекались, спорили – она же в основном наблюдала. Молча. Ни в какие компании не входила, вне университета мало с кем общалась. Эта «отдельность» ощущалась постоянно. Где-то, думалось, должен был существовать иной мир, к которому она принадлежала – но где и какой? Мир семейный, где ей было уютнее, чем на филфаке, с его комсомольским активом и зачетами по марксизму? Или – уже?? – мир древностей, исландской литературы, к которой в отличие от большинства из нас она была причастна с детства? Во всяком случае, отстраненность, дистанция чувствовалась всегда.

Уже подружившись с Леной, я наконец поняла, что «гуревич» в обложке цвета слоновой кости связан с ней семейными узами. Попросту говоря, что он ее отец. А вскоре узрела и его самого.

Арон Яковлевич Гуревич, которого то травили, то игнорировали, не имел возможности работать с будущими историками, но получил однажды разрешение вести факультатив для филологов. Раз в неделю он входил в крошечную аудиторию, садился, читал лекцию и уходил. Его появление было сродни средневековым видениям, о которых он рассказывал. Пространство вдруг расширялось – тут не было места ни штампам, ни расхожим истинам, на наших глазах происходило чудо: абсолютно свободный человек демонстрировал безграничную свободу мышления, излагая идеи одновременно простые и глубокие, а главное, чуждые каким бы то ни было идеологическим компромиссам. При этом он ни с кем не полемизировал, не опровергал никаких догм – само его присутствие на филфаке, одном из важнейших идеологических бастионов МГУ, являлось своего рода глобальным опровержением системы.

Через некоторое время установилось общение уже вне университета, я бывала у них в гостях, мы дружили. После моего отъезда во Францию эта дружба приняла преимущественно виртуальный характер: редкие встречи, а в интервалах – звонки, письма, сначала на бумаге, потом электронные. Я храню их все.

О том, что Лена была одним из ведущих скандинавистов своего поколения, говорить не приходится, это и так все знают. А кто не знает, может взглянуть на список публикаций. Их так много, что Лена-филолог заслоняет собой явление на мой взгляд гораздо более значительное: Лену-переводчика. Несомненно, ее вклад в науку велик, она прекрасный ученый, хотя без концептуальных прорывов, в отличие от отца – но почему так мало было сказано о том, что она переводчик милостью Божьей?

Переводчик уникальный уже беспрецедентной узостью поля приложения своего таланта: она переводила исключительно древнеисландские тексты и ничего более. Мне, как профессиональному переводчику, представляется невероятной эта степень сосредоточенности на одном типе текстов, но в данном случае плоды этого самоограничения говорят сами за себя. Вдобавок ей повезло: здание своих переводов она возводила на мощном фундаменте, заложенном Стеблин-Каменским, давшим ключ к их интерпретации (в отличие от многих стран, где новые переводы возникали на зыбких песках пересказов и неуклюжих переводов предшественников). Итак, направление было указано, но правильно двигаться по нему было дано не всякому. У Лены же обнаружился абсолютный языко-

вой и литературный слух, она стала новым голосом древнеисландской литературы. Дозировка архаизмов, выбор их уровня (лексического, синтаксического), степень модернизации языка, ритм, интонация, музыкальность. В той или иной степени все эти проблемы неизбежно присущи любому переводу, но в случае текстов столь архаических, продукта столь кардинально «чужой» культуры, они грозят превратиться в непреодолимые препятствия. Лена преодолела их с блеском.

Но и тут, в изданиях ее переводов, масштаб учености – гигантский аппарат (комментарии к «Прядям» занимают 400 страниц, почти половину тома) – заслоняет собственно литературные достоинства самих текстов. Они воспринимаются как «литературные памятники», меж тем это живая литература, вклад в сокровищницу мировой классики на русском языке.

Перевод – всегда диалог переводчика, не столько с автором (ну о чем можно было бы беседовать со Снорри?), сколько с текстом, фиксирующим картину мира данной культуры. И в этом диалоге, если он достаточно продолжителен, неизбежно выкристаллизуются и позиции переводчика, эстетические и этические. Годы, проведенные Леной в обществе древнеисландских персонажей, не могли не наложить отпечатка: их этика стала ее этикой, их стили-

стика – ее стилистикой, их нормы поведения – ее нормами (в том числе и во время унесшей ее болезни).

Она жила в эпоху катаклизмов, смены одной политической, экономической и социальной системы другой. Эпохи радикально изменившей курс жизни многих. Однако вопрос актуальный для большинства людей ее поколения и круга: как сложилась бы жизнь, если бы человек уехал / остался / вернулся – в ее случае не имеет смысла. Думаю, что ее судьба сложилась бы так же, она прожила бы ту же жизнь, какую прожила. Независимо от внешних обстоятельств. Может быть, лишь в улыбке ее было бы чуть меньше печали. Инопланетянка, высшей реальностью которой была литература, была одним из самых внутренне свободных людей, каких мне довелось встречать.

Саги, пряди, скальдическая поэзия, исследования по поэтике жанров, сборники статей... На книжных полках моей библиотеки Гуревичи стоят бок о бок, Арон и Елена, отец и дочь, зачастую даже под одной обложкой: многочисленные тома его трудов, изданные посмертно ее силами. Гуревичи опять стали книгами. Круг замкнулся.

Е. Бальзамо